

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (1919–1939 гг.)

*Гиндренас А.В.
(Минская духовная академия)*

Виленская (Литовская) духовная семинария к 1914/1915 уч. г. насчитывала всего 25 человек преподавательского и обслуживающего персонала, состоящего на службе в семинарии. В сохранившейся статистической ведомости [2] преподавательская корпорация семинарии определена в количестве 14 штатных единиц и включает в себя одиннадцать постоянных преподавателей и три представителя администрации. Остальные педагоги необязательных предметов, работавшие в качестве контрактных сотрудников, не входили в статистическое описание. Из числа преподавателей к монашескому чину принадлежал только ректор – архимандрит Лаврентий (Князев), к белому духовенству – только один священник, остальные двенадцать – миряне. Абсолютное большинство преподавателей (13) окончили духовные академии и имели степень кандидата богословия. Десять преподавателей совмещали работу в других школах г. Вильно. Пять из них в духовно-учебных заведениях, другие пять – в учебных заведениях иных ведомств.

Начавшаяся Первая мировая война и вынужденная эвакуация произвели существенные перемены в преподавательской корпорации. Начиная со времени переезда семинарии в г. Витебск, потом в г. Рязань, и в связи с прервавшимся учебным процессом, многие преподаватели один за другим уходили из семинарии сами или направлялись Учебным комитетом при Святейшим Синоде для педагогической деятельности в другие учебные заведения [3]. После окончательного закрытия дореволюционной Виленской духовной семинарии в 1918 г., все ее сотрудники были распущены по своим дорогам. Судьбы преподавателей, в своем большинстве так и не вернувшихся в возрожденную семинарию в Польском государстве, пока остаются неизвестными.

Лишь три преподавателя, вернувшихся в Виленско-Литовскую епархию, под руководством архиепископа Елевферия (Богоявленского), активно занялись работой над восстановлением церковной жизни и открыли два богословских класса Виленской духовной семинарии (далее – ВДС). В период с ноября 1919 г. до сентября 1921 г., преподавательский состав насчитывал всего 4–5 человека.

Геополитические перемены как массовая реэвакуация жителей бывшего Северо-Западного края из России, окончательное присоединение Виленского края к Польской Республике и постепенное налаживание общественной жизни послужили причиной тому, что администрация решила открыть полную среднюю школу с десятью классами, где объединялись структуры дореволюционных духовной семинарии и духовного училища. Преподавательский состав увеличился с бывших 5 человек до 24 [1, л. 29].

Ректор при заключении договора с новыми преподавателями обещал рабочие места до времени возвращения из эвакуации бывших учителей ЛДС [1, л. 27–28], из чего следует что в сентябре 1921 г. надежда на возвращение бывших коллег еще была актуальной, однако вплоть до закрытия семинарии в 1939 г., фамилий преподавателей из дореволюционного штата так и не появляются в архивных документах.

Новая преподавательская команда, собранная ректором В.В. Богдановичем, проработала лишь один учебный год (1921–1922). В связи с конфликтом Виленско-Литовского архиепископа Елевферия (Богоявленского) с Священном Синодом Польской Православной Митрополии в духовной школе возник серьезный кризис. Ректор семинарии также не подчинившийся варшавскому синоду был уволен, на его место назначен игумен Филипп (Морозов) [4, л. 1–2], однако бывшего ректора поддержало большинство педагогов (17), и они покинули учреждение.

Разумеется, что после таких решительных мер преподавательской корпорации, новый руководитель семинарии архимандрит Филипп оказался в тяжелой ситуации. В рапорте митрополиту Георгию (Ярошевскому) он жаловался, что в семинарии остались только четыре человека из преподавателей. Небольшая группа приложила все усилия для восстановления преподавательского штата, по возможности сами проводили все занятия [4, л. 6–7]. Новая преподавательская корпорация была собрана оперативно, при этом часть протестовавших сотрудников решила вернуться назад и работать дальше.

Несмотря на полное восстановление семинарской жизни и нормализации учебного процесса, преподавательский состав еще не существенно менялся. Связано это в первую очередь с постепенной интеграцией духовной школы в систему общего образования Польской Республики и проводимыми реформами, которые ставили новые и непростые требования для сотрудников.

В январе 1922 г. Министерством Религиозных Исповеданий и Народного Просвещения (далее – Министерство РИиНП) были выпущены «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше», которые кроме общих вопросов церковной жизни, в частности предписывали условия работы педагогов духовных школ [10, с. 2].

В первую очередь кандидаты в преподаватели были обязаны проходить процедуру утверждения в Министерстве РИиНП. До этого

момента назначение преподавателей состояло фактически лишь в устном совещании и согласовании правления семинарии и местного архиерея. Преподаватели и студенты семинарии должны были иметь польское гражданство, а также быть безукоризненного поведения в отношении не только нравственном, но и политическом. Последний пункт выполнялся путем отправления семинарией характеристики преподавателя для польских школьных властей [6, л. 200].

Вопрос польского гражданства преподавателей решался непросто. Главные условия, которые ставились Министерством внутренних дел, были: место рождения, место жительства родителей, постоянное проживание на территории Польской Республики до 1914 г., легально ли произошло возвращение из Советской России и др. [6, л. 244; 11]. В зоне самых уязвимых оказались преподаватели-беженцы, которые никогда не жили в Северо-Западном крае и бежали из России во время гражданской войны. Для решения этой проблемы правление семинарии неоднократно просило митрополита Дионисия (Валединского) о ходатайстве перед польским правительством за определенных сотрудников [6, л. 71–99].

С началом 1924/1925 уч. г., в связи с официальной государственной аккредитацией ВДС и переходом в статус правительственной школы, ее административная жизнь попала под контроль новой инстанции польской школьной власти – это куратория (попечительство) Виленского учебного округа. Все преподаватели стали государственными служащими и были полностью подчинены нормативным актам, обязательным для всех учителей государственных гимназий. Юридическая база для педагогов средних школ была прописана в «Dziennik Ustaw», в периодическом печатном издании государственных узаконений». Куратор ВУО при рассылке распоряжений всегда ссылался на нормативные акты, утвержденные Министерством РИиНП и изданные в «Dziennik Ustaw», и таким образом регулировал деятельность ВДС как бы от лица самого Министерства.

В официальном делопроизводстве работодателем считалась не ВДС, но куратор ВУО, который принимал на работу педагога и направлял его в нужное учебное заведение. Ректор семинарии был прописан лишь в качестве посредника между педагогами и куратором и в документах определялся как сотрудник, исполняющий обязанность в учреждении, принадлежащем куратории ВУО [9, д. 627, 615].

Куратор определял так называемую категорию заработной платы. Ее размер обозначался цифрами от 7 до 9, и определял величину оплаты за один преподавательский час [8, л. 7–8]. Большинство зарплат преподавателей колебались в пределах 90–250 злотых в месяц. Зарплаты лиц из администрации семинарии достигали 300–400 злотых [5; 11, д. 576].

В целом, финансовое положение и материальные условия преподавательской корпорации оставляли желать лучшего [9, д. 584]. Непростая ситуация от части компенсировалась несколькими обстоятельствами: многие сотрудники семинарии имели возможность получить бесплатную комнату в семинарском здании, совмещать должности педагогов в других гимназиях г. Вильно, получить единовременные пособия, освобождение от коммунальных платежей [9, д. 551, 558, 561, 581, 593, 600, 616, 627].

Самым злободневным вопросом для всей преподавательской корпорации было получение квалификации, соответствующей нормативам образовательного ценза Польской Республики. Семинарским преподавателям требовалось получить квалификацию «учителя средних школ», что влекло за собой долгую и трудную процедуру. Непризнанная квалификация явилась причиной многих увольнений.

За небольшим исключением все преподаватели ВДС были в хорошей степени образованы в высших школах Российской империи, в Варшавском университете, в Карловском университете г. Праги, в Львовском университете и др. Однако постановлением Министерства РИиНП все дипломы, полученные вне территории Польского царства, следовало санкционировать [9, д. 563].

Список документов, требуемых министерством для этой процедуры, доходил до 16 наименований [9, д. 594]. Собрать весь требуемый комплект документов часто представлялось трудной задачей. Многими преподавателями, в связи с Первой мировой войной и дезорганизацией в России после войны, безвозвратно были утеряны оригиналы документов об образовании и пройденной службе [9, д. 585].

Для решения данной проблемы сотрудники присылали копии документов вместо оригиналов, которые по требованию Министерства РИиНП должны были быть заверены печатью нотариуса [9, д. 611]. Для получения последнего приходилось доказывать факт окончания духовной академии или университета через старые печатные издания, как например «труды Киевской духовной академии» (где указывались списки выпускников), также с помощью оставшихся архивных документов и обращением в Польские консульские учреждения в Советской России [6, л. 160; 9, д. 585]. Анализ архивных документов позволяет утверждать, что этот процесс далеко не всегда заканчивался успехом.

Кроме сбора необходимых документов, Министерство РИиНП требовало еще санкционирование (*Nostryfikacja*) диплома, выданного в дореволюционное время. До завершения этой процедуры преподавателю не разрешалось использовать свое научное звание и степень в официальной документации. Этим процессом занималась государственная комиссия по учителям средних школ, находившаяся при университете Стефана Батория в Варшаве. Для признания квалификации педагога необходимо было сдать перед аттестационной комиссией экзамены. Комиссия проводила аттестацию по предметам, которые кандидат намеревался преподавать, а также по истории, литературе и географии Польши. В результате успешного прохождения экзамена выдавался диплом, дающий право на преподавание в средних школах (или только в низших ее классах) определенных предметов [9, д. 576, д. 568, 612, л. 18, 39об]. Кроме этого, квалифицирован-

ный педагог мог рассчитывать на повышение оклада. В некоторых случаях Министерство РИИМП предписывало совсем не платить за должность, если не было соответствующей квалификации [9, д. 616].

Анализ личных дел персонала ВДС выявил, что отсутствие квалификации было самой распространенной проблемой преподавателей. В документах часто описывается ситуация, когда даже хорошее высшее образование, полученное в Российских университетах, и блестящий послужной список не помогали педагогу осилить требование переквалификации в Польском университете. Можно предположить, что для преподавателей-беженцев из России основной преградой был языковой барьер, так как, аттестация перед государственной комиссией проводилась на польском языке, поэтому успешная сдача предполагала хорошее владение государственным языком. Преподаватели, так и не получившие квалификации, могли работать в богословских классах до их упразднения (1927 г.) также была возможность устроиться на работу учителем в частных (русских) гимназиях, или предоставлять услуги репетитора.

Министерство РИИМП в стремлении улучшить качество образования в государственных школах кроме переаттестации преподавателей прибегала и к другим средствам. В частности, регулярно организовывались курсы повышения квалификации для учителей, также различные научно-практические конференции педагогов средних школ. На подобные мероприятия посылались и сотрудники ВДС [7, л. 2; 9, д. 568, 600].

Каждый учебный год проходила инспекция учебного заведения осуществляемая начальником отдела средних школ Виленского учебного округа. Создавалась комиссия, которая посещала уроки, проводила экспертизу и выносила свои заключения куратору ВУО. В результате таких инспекций ВДС несколько раз получала указ от куратора уволить того или иного преподавателя, после неудовлетворительной оценки проведения им урока [9, д. 584].

Куратор ВУО и администрация ВДС относились весьма строго к пропуску занятий преподавателями без уважительных причин. Заболев, сотрудник персонала должен был сообщить специальной запиской о невозможности прибыть на уроки. В дальнейшем требовалось подтвердить заболевание соответствующей справкой от врача. Несколько раз пропущенные без уважительной причины занятия могли послужить поводом жалобы ректора куратору и увольнению преподавателя [9, д. 612].

К требованиям, предъявляемым для преподавательской корпорации можно добавить и хорошее здоровье. Начиная с 1930-х гг. специальная медицинская комиссия регулярно проверяла весь персонал ВДС на отсутствие заболеваний, препятствующих исполнению обязанностей. Отчет после медицинской экспертизы отсылался куратору ВУО для дальнейших распоряжений, что в некоторых случаях приводило к увольнениям с занимаемой должности и переводом в эмеритуру [9, д. 572].

Вопрос пенсионного возраста также был сопряжен с определенными трудностями для большинства сотрудников ВДС. Следует отметить, что оплата эмеритальных взносов была самостоятельным и личным делом каждого преподавателя [9, д. 551]. Проблема, особо для пожилых учителей, состояла в том, что они прослужили большую часть жизни в учреждениях и ведомствах Российской империи, но в реалиях Польской Республики следовало юридически оформить такую выслугу лет. Ситуация была схожа с трудностями признания квалификации. Чтобы засчитать прошлые годы к общему рабочему стажу и в результате к пенсионным выплатам, приходилось собирать целый пакет документов, доказывающих пройденную службу. В связи с этим уместно вспомнить о возможной потере большинства из этих документов [9, д. 611].

Таким образом, в качестве итога следует добавить, что Литовская духовная семинария периода Российской империи всегда слави-

лась блестяще образованным кругом своей преподавательской корпорации – примерами церковной интеллигенции высокого научного и культурного уровня. В период перед Первой мировой войной все преподаватели, за исключением одного, имели высшее академическое богословское образование, были мирянами и не часто меняли свое рабочее место. Такие обстоятельства значительно способствовали научному росту каждого преподавателя, улучшению качества преподавания, что в итоге отражалось на более качественном обучении будущих пастырей Православной Церкви, которые получали богословские знания от профессионалов.

Виленская духовная семинария периода 1919–1939 гг. не может похвалиться дореволюционным уровнем богословского образования своей преподавательской корпорации. В архивном фонде семинарии было обнаружено всего 108 фамилий из числа преподавателей семинарии работавших в период Польской Республики. Если учесть, что штат семинарии обычно состоял максимум из 25 преподавателей, это означает, что преподавательская корпорация за 21 год более чем в четыре раза полностью поменялась. Только 40% учителей работали в духовной школе больше чем два года.

Анализ архивных документов выявил, что половина преподавателей имели высшее светское образование (52%)¹, высшие духовные школы закончили 30%. Семь учителей значатся, как прошедшие среднее семинарское образование и потом поступившие в университеты, что часто имело место в образовательном пути детей духовного сословия в начале XX ст. Однако, думается, что таких случаев могло быть значительно больше, так как личные дела персонала, находящиеся в архиве, редко изображают полную картину образования сотрудников семинарии. Чаще всего – или указывается лишь ее последняя ступень, где было получено высшее образование, или сведения об образовании отсутствуют [9, д. 547–627].

¹ В статистике не учитываются те преподаватели, о которых нет данных.

Разумеется, такая статистика не может сравниться с дореволюционными показателями. С другой стороны, следует учесть пару фактов. Первое – ВДС в 1919–1939 гг. в своей структуре не была лишь сугубо духовной школой дореволюционного формата, состоящей из шести классов. Второе – высокие требования для преподавателей и регулярные инспекции учебного округа, не смотря на всю строгость такового положения, без сомнения приносили и полезные плоды для самодисциплины педагога и развития учебно-педагогической методики. В свою очередь профессионализм каждого учителя в конечном итоге сказывается на качестве образовательного уровня выпускников и авторитете школы в целом.

Источники и литература

1. ЛГИА. – Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. Журнал заседаний педагогического совета. 1919–1922 гг.

2. ЛГИА. – Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. Дело с разного рода статистическими сведениями. 1915 г.

3. ЛГИА. – Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 456. С перепиской по вопросу о принятии воспитанников в другие семинарии, по случаю эвакуации Литовской духовной семинарии. 1915 г.

4. ЛГИА. – Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. Журнал заседаний педагогического совета Виленской духовной семинарии. 1922–1924 гг.

5. ЛЦГА. – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 12. Akta w sprawie poborów personelu nauczycielskiego, administracyjnego i służby. Rok 1925.

6. ЛЦГА. – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. Akta spraw osobistych byłych nauczycieli seminarjum. Lata 1922–1923.

7. ЛЦГА. – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 4. Okólniki i zarządzenia w sprawach programów gimnazjum wyższego i planu zajęć szkolnych. Rok 1925.

8. ЛЦГА. – Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 8. Akta w sprawie danych statystycznych. Rok 1925.

9. ЛЦГА. – Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 547–627. (Личные дела преподавателей и сотрудников)

10. Русская Церковь и Польша // Виленское Утро. – 1922. – 10 февраля. – № 121. – С. 2.